

„АХ, ВОРОНЕЖ, ВОРОНЕЖ!“

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ Гиляровский обладал особым даром обаяния. Его везде принимали как своего человека. Дружеские связи писателя были безграничны. Он был знаком со всеми интересными людьми и знал о всех удивительных событиях. Он видел то, чего не видели другие, и успевал попасть всюду, где должно было произойти что-нибудь необычное. И потому он сам был колоритнейшей фигурой своего времени, неотъемлемым куском русской жизни, ярко и разнообразно проявившейся в одном человеке. «...Крестный мой отец в литературе и атлетике, — писал И. Куприн Гиляровскому, — скорее я воображаю себе Москву без царя-колокола и без царя-пушки, чем без тебя. Ты — пуп Москвы!». Да и только ли Москвы. Гиляровский исходил вдоль и поперек всю матушку-Русь и везде оказывался в гуще главных событий, среди настоящих, нужных на земле людей.

Да! Гиляровский никак не мог пожаловаться на недостаток интересных встреч. Но одна из них, происшедшая летом 1879 года в Воронеже с великой русской актрисой Марией Николаевной Ермоловой, запомнилась Гиляровскому особенно надолго, навсегда, на всю жизнь.

В этот год Гиляровский весь летний сезон играл на воронежской сцене в труппе И. К. Казанцева, известного тогда актера и антрепренера. «Служу в Воронеже, — писал потом Гиляровский. — Прекрасный летний театр, прекрасная труппа».

В самом деле, незадолго до этого сезона в 1877 году в Воронеже в городском саду было построено новое легкое и светлое деревянное здание летнего театра. Воронежская публика любила сценическое искусство, умела ценить игру артистов, охотно посещала театр и город-

ской сад, где по вечерам на эстраде выступал оркестр и устраивались веселые гулянья. Те, кто побогаче, посolidнее, в модных платьях и костюмах, степенно прохаживались вокруг фонтана в центре сада; молодежь, студенты, учителя и семинаристы шумными стайками бродили по аллеям, обсуждая события, происходящие на сцене. Однако, как вспоминал Гиляровский, больших «сборов все-таки не было». «Чтоб заинтересовать здешнюю публику, перевидавшую знаменитостей-гастролеров, нужны или уж очень крупные имена, или какие-нибудь фортели, на что великие мастера были два воронежских зимних антрепренера — Воронков и Матковский, по несколько лет один за другим державшие здесь театр. Казанцев, не желавший терпеть убытки, вынужден был отправиться в Москву и во что бы то ни стало привезти оттуда необходимые для успеха «крупные имена».

Вскоре, во время одного из спектаклей, было объявлено, что в 10 часов утра следующего дня в Воронеж приедет Мария Николаевна Ермолова, слава о которой гремела по всей России. Вместе с ней прибывал гастроль Осип Андреевич Правдин.

Гиляровский, являвшийся в театре помощником режиссера, должен был встретить актрису на вокзале. Он с нетерпением ждал утра, пытался представить, какой будет встреча, и долго не мог уснуть. Он вслушивался в паровозные гудки, вспоминал воронежский вокзал... Сюда четыре года назад он приехал из Ростова в товарном поезде с цирковой труппой, с лошадьми, с бугафорией. Позже, летом 1877 года, Гиляровский, тогда солдат-доброволец, прибыл на воронежский вокзал с военным эшелоном, направлявшимся в Турцию. Как недавно и как давно все это было,

Ночи в секретях, разведка и охота за «языком», отчаянные рукопашные схватки и встречи с героями. Гиляровский вспоминал храброго старика Инала Асланова, получившего за отвагу медали и недовольного своей наградой: «Почему тебе дали крест с джигитом на коне, а мне мундаль с царским мордашом?». На следующий год на этот же вокзал Гиляровский возвратился с фронта с Георгием на груди. Как он спешил тогда в Воронеже, чтобы увидеть любимую девушку. Увидел и понял, что спешил напрасно...

Только утром, когда уже взошло солнце, Гиляровский уснул. И вдруг часов в семь он слышит свисток сирены: «Пожар!». Быстро вскакивает с постели и бежит к реке, где пожарная дружина наполняет бочки водой.

В тот год в Воронежской губернии произошло более 1000 пожаров, сгорело более 5000 строений. Начальство, обеспокоенное таким бедствием, решило тогда создать «Обоз вольного пожарного общества охотников в г. Воронеже», куда Гиляровский «тотчас по приезде записался топорником».

День выдался горячий и ветреный. Два домика на окраине города горели, как свечи. Пожар одолели только к половине одиннадцатого. На вокзал Гиляровский опоздал и помчался на извозчике прямо в театр. Он вбежал на сцену в надежде успеть привести себя в порядок до репетиции, назначенной на 11 часов. Но там уже среди других артистов театра были Ермолова и Правдин.

«При первых моих шагах, — вспоминает Гиляровский, — раздался хохот и возгласы, где слышалось слово «пожарный». Все-таки я подошел, сорвал с головы фуражку, извинился за опоздание. Смех в ответ на мой поклон, а потом Казанцев обратился ко мне со словами из «Птичек певчих»:

— Панателла, подите и умойте вашу физиономию, а потом я вас познакомлю с Марией Николаевной и Осипом Андреевичем.

А Свободина подставляет мне к лицу зеркальце:

— Посмотритесь!

Взглянул — весь в саже. Бросился, как безумный, назад, перепрыгнул через забор в сад моей квартиры и через десять минут извинился с трепетом сердца перед М. Н. Ермоловой. Она меня встретила прекрасно».

С этой встречи на сцене летнего театра началась долгая дружба Гиляровского со знаменитой актрисой. Он сразу оказался среди немногих друзей, которых она принимала на своей воронежской квартире. Писатель с волнением рассказывает об этом в своей книге «Люди театра». Он вспоминает, как в домик Ермоловой по вечерам приходили дружившая с ней актриса М. И. Свободина и известный актер В. П. Долматов.

Все трое с искренним интересом слушали рассказы будущего писателя о его хождении по русской земле, о работе бурлаков на Волге, о приключениях на войне. Мария Николаевна пророчила Гиляровскому будущее писателя. Она уверяла его, что, зная так много о жизни народа, о своей родине, ему нельзя будет не писать. В один из таких вечеров, проведенных у Ермоловой, после долгих дружеских и откровенных разговоров, актриса подарила Гиляровскому свою фотокарточку, написав на ее обороте такие слова: «Владимиру Гиляровскому — Мария Ермолова. Воронеж».

Близкие товарищеские отношения Гиляровского с Ермоловой позволили ему узнать о ее воронежской жизни много интересного и характерного для творчества молодой актрисы. Его встречи с ней освещали об-

раз талантливой умной женщиной с такой стороны, которая была недоступна другим. Однажды (опять же после пожара) Гиляровский шел по тихим, будто бы сонным улочкам, какими они бывали в Воронеже в жаркий летний полдень. Чистенькие домики красовались на солнце, сияя ярко выкрашенными резными наличниками окон, за высокими деревянными заборами уже начинали розоветь яблоки. Неожиданно возле одной из капиток он увидел М. И. Свободину, которая пригласила его в дом, где жила подруга ее матери. Вскоре сюда пришла и М. Н. Ермолова, поначалу удивленная непредвиденной встречей с Гиляровским. Оказалось, что обе актрисы приходили в этот уютный домик не только ради отдыха, но прежде всего для изучения русских женских образов, живого знакомства с тяжелой бабьей долей на Руси. И это было своеобразной тайной подруг. Гиляровский увидел здесь очень непохожих друг на друга, и в то же время чем-то одинаковых женщин-богомолок, которые сидели за столиком в саду и пили чай.

Ермолова любила беседовать с такими, повидавшими горе, женщинами, и ей тогда, как она утверждала, становились понятными и Некрасов и Писемский. «Представьте себе, — говорила Ермолова, — вот сейчас в садике сидит красавица-женщина, целиком из «Горькой судьбины», муж из ревности убил у нее младенца и сам повесился в тюрьме... Вот она и размышляет горе, третий год ходит по богомольям...».

Гиляровский выступал в Воронеже во многих спектаклях и, по мнению современников, играл свои роли весьма неплохо. На театральных афишах он значился под именем В. А. Сологуба. Этот псевдоним ему дал Долматов в Пензе еще осенью 1878 года, но здесь, в Воронеже, это имя за ним еще более закрепилось. Актер Вязовский, игравший вместе с Гиляровским, нарисовал ему в Воронеже визитную карточку «В. А. Сологуб» с изображением графской короны. Карточка была ав-

тором литографирована, размножена и пошла по рукам. Кто-то из тогдашних товарищей писателя хранил ее в течение долгих десятилетий. Работая в Воронеже, Гиляровский хорошо знал местную театральную публику, которая не только отлично разбиралась в сценическом мастерстве актеров, но и умела ценить репертуар театра за его серьезность и значительность.

Гиляровский отмечал, что в Воронеже с особым интересом смотрелись спектакли острого социального направления.

В частности, он вспоминал о том, каким большим успехом пользовались пьесы Виктора Антоновича Дьяченко, жившего долгое время в Воронеже. Наиболее замечательными в этом отношении были его пьесы: «На пороге к делу» и «Виноватая».

В первые же дни пребывания Ермоловой в Воронеже она несколько раз выступала в спектакле «На пороге к делу», где играла роль учительницы передовых взглядов. Эти спектакли сразу же определили «ермоловскую» публику, которая постоянно посещала спектакли с участием знаменитой актрисы.

«М. Н. Ермолова, — писал Гиляровский впоследствии, — чувствовала, что здесь, в Воронеже, у нее есть своя публика, такая же, которая в Москве, на студенческих вечерах создала ее первые успехи... Она удивлялась, что глухая провинция, Воронеж, моложе Москвы, и вдохновенно читала в divertissementах то же, что читала на московских студенческих вечерах. На афишах помещалось: чтение из сборника «Живая струна». А читался и Плещеев, и Некрасов, и Пальмин...».

В Воронеже состоялся бенефис М. Н. Ермоловой, собравший всю ее публику. В этот день, помимо выступления в пьесе, она читала любимые ею стихи и после долгих аплодисментов вновь и вновь выходила на сцену.

«М. Н. Ермолова, — как вспоминает Гиляровский, — по окончании спектакля вышла из театра, сопровождаемая всей труппой, прошла по саду под приветствие шпалерами стояв-

шей публики... Коляска, убранный цветами, стояла без лошадей, вместо которых впряглась учащая молодежь обоего пола во главе с двумя гигантами в камлотовых, может быть, из старых родительских рис, пиджаках, своими бадами покрывавших гудевшую улицу. Зажгли факелы, полиция протестовала, но бенефициантку усадили вместе с ее горничной с большим взлом и при восторженных криках донесли до гостиницы».

После встречи Гиляровского с Ермоловой в Воронеже прошли долгие годы, но никто из них не мог забыть проведенных в этом городе дней. Дружба двух замечательных людей русского искусства продолжалась. Уже после Октябрьской революции, в 1923 году, когда каждому из них исполнилось 70 лет (они были одногодки), Ермолова отправила своему старому другу короткое, но очень теплое письмо. «Дорогой старый товарищ еще с Воронежа, Владимир Алексеевич!

Это было очень давно: мы были молоды, а теперь стары, но вспоминаю о вас всегда, как о защитнике угнетенных и обиженных! Вы до сих пор сохранили ваш бодрый дух, ваши последние стихи очень хороши, мне читала их А. А. Яблочкина. Позвольте же сердечно приветствовать и поздравить с вашим юбилеем. И дай вам бог на долгие годы сохранить вашу энергию и бодрость на пользу людям...».

Гиляровский последний раз встретился с Ермоловой на Тверском бульваре в Москве, в ее квартире. И вновь главной темой их беседы был Воронеж. Он остался дорог каждому из них, как воспоминание о замечательных днях молодости, наполненной трудом и борьбой за все хорошее в человеке. В этот день актриса вновь подарила Гиляровскому свою фотокарточку, написав на ней: «Вл. Ал. Гиляровскому на память о Воронеже».

«Ах, Воронеж, Воронеж! — воскликнула Ермолова. — Какое время! Какие люди были!».

Г. АНТЮХИН.